

Георгий КАСЬЯНОВ

**NO COMMENT
С КОММЕНТАРИЯМИ**

Трудно комментировать то, что комментариев, в общем-то, не требуется. Стоило бы последовать примеру некоторых телеканалов: в рубрике “No comment” на телеэкране маячит текст указа и сопутствующих документов. Тишина. Зрители молча читают. Вникают. Так же молча расходятся.

Если же все-таки озвучить впечатления, то человек, информированный о тенденциях в области политики истории начала XXI века (и не только в России), вряд ли выразит удивление. Схожая тенденция наметилась и в Европе. Там так увлеклись выявлением Holocaust deniers и профилактикой “банализации, тривиализации и оправдания” преступлений против человечности в целом и преступлений нацизма в частности, что не ограничиваются национальным законодательством, вызывающим недоумение и протест свободомыслящих интеллектуалов. В демократической Европе пытаются ввести общеевропейское законодательство, предусматривающее санкции против тех, кто по мысли общеевропейских парламентариев якобы “неправильно” трактует острые проблемы прошлого, связанные с упомянутыми преступлениями. Конечно, желание заткнуть рот десятку параноидальных расистов или антисемитов во времена повального роста ксенофобии в перепуганной смешением рас и народностей Европе можно понять, только размеры затычки и способы ее применения неизбежно становятся предметом

малопонятных бюрократических манипуляций и морализаторского экстаза; в результате встревоженные ученые обращаются к миру из Блуа с протестом против политизации истории – и протест уже подписан более чем тысячей их коллег со всего мира...

Пока старая Европа борется с тяжким наследием нацизма и современными эксцессами, вызванными смешением культур, рас и наречий, в Европе молодой, еще совсем недавно вышедшей из социалистического лагеря и вошедшей в клуб Брюсселя и Страсбурга, озаботились наследием коммунизма. Где-то получилось с люстрациями, где-то не очень. Где-то первые лица государства становятся главными историками. Где-то эту функцию оставляют за собой государственные служащие второго эшелона. Но практически везде историю активно переписывают и этот процесс становится частью преобразования настоящего – что, судя по всему, вполне легитимно, естественно, близко природе *raison d'état* и особых комментариев не требует. Новые государства – новая история. Единственное неудобство, о котором стараются не упоминать: с тяжким коммунистическим наследием борются методами, которые часто являются продолжением этого наследия. Создаются институты и комиссии с прокурорскими функциями. Сносятся памятники и переименовываются улицы, появляются новые монументы и новые названия, своей эстетикой, звучанием и содержанием ничем не уступающие предыдущим. Принимаются или предлагаются законы в духе приснопамятной статьи советского Уголовного кодекса “Антисоветская агитация и пропаганда”. Историки пишут монографии, идеи которых удивительно созвучны идеям первых лиц государства, или просто, как в старые добрые времена, возвращаются в обжитые окопы “идеологического фронта”. Во всех этих процессах (в том числе и судебных) ведущую роль играет государство и его бюрократия. Это все называется “историческая политика”. Ее цель – воспитание лояльных граждан. Ее предварительные результаты – ограничение свободы слова, превращение истории в орудие текущей политики и части историков в пропагандистов и агитаторов, оболванивание населения, рост нетерпимости и раскол в обществе (особенно когда эта политика направлена на консолидацию), международные конфликты.

В этом смысле Россия вполне соответствует “общеевропейским” тенденциям. В начале 2000-х “фальсификациями истории” озаботилась Дума. Как водится, поговорили... Вслед за этим с российскими историками пообщались премьер М. Касьянов и президент В. Путин. Историков отечески похлопали по плечу и дали полезные советы. За-

тем высшая власть высказала недовольство учебниками по истории, и результатом стали унификация школьной истории и изъятие неудобных учебников, часть из которых была очень востребована учителями, учениками и родителями. Затем российские верхи решили, что главным ведомством, знающим “правильную” историю, будет Министерство иностранных дел, которое немедленно взялось обучать этому предмету поляков, балтийских соседей и, разумеется, отбившегося от рук “младшего брата” на юго-западе. Параллельно эти же верхи стали демонстрировать откровенную ностальгию по прошлому величию (независимо от методов, какими это величие достигалось) и очень обижаться на соседей, не желавших эту ностальгию разделять. Дошло до раздраженных указаний, какие, кому и где ставить памятники, кого чествовать, а кого нет, как можно, а как нельзя называть то или иное событие, как вообще правильно писать историю. Споры нет – то, что происходит у этих соседей, нередко действительно вызывает у мыслящего человека здоровую реакцию здорового организма, т.е. оскомину и неприятие. Однако это не повод читать нотации этим соседям – пусть сами разбираются, кого им уважать, а кого провожать.

Указ, не требующий особых комментариев, все же любопытен именно тем, что вроде бы обращен вовне – на тех предполагаемых недоброжелателей за пределами страны, которые норовят создать России некий образ, подрывающий ее престиж. Однако, судя по заказным комментариям и указаниям части руководства РАН составлять списки фальсификаций и их авторов, существует и готовность номер один искать “фальсификаторов” и поближе, и даже уже публичный донос прозвучал... “И это правильно, товарищи”. Престижу России нанесен сильнейший удар – авторами указа.

Некая скандальность российской внешней политики в отношении соседей и именно по поводу истории уже привычна и в общем не вызвала особо острой реакции у стороннего наблюдателя, тем более что аналогичные действия соседей часто также не отличались элегантно-стью. Сейчас – другое дело. Президент создает постоянно действующий орган для перманентной слежки за тем, кто, где и как неправильно трактует историю с целью нанести России ущерб. В этом органе вполне ожидаемо доминируют чиновники и силовики. Для чего-то там оказались историки, директора двух крупнейших академических институтов (правда, “по согласованию”), один чиновник-архивист и даже один очень свободный журналист, популяризатор истории – им можно только посочувствовать. Создание комиссии выглядит как бюрократический

экстаз в его высшем, бескорыстном проявлении. Бескорыстном, потому что никаких прибылей – одни убытки. Все участники комиссии должны трудиться на международный престиж России на общественных началах. Выполнение задач комиссии – словом и делом – может только этот престиж подорвать. Все-таки полицейские функции никогда в России престижным делом не считались. Хотя времена меняются...

Создание комиссии при президенте страны, наверное, следовало бы расценить как внутреннее дело России – если бы эта комиссия не была ориентирована за пределы страны; если бы ей не предлагалось “обобщать и анализировать информацию о фальсификациях исторических фактов и событий, направленных на умаление престижа Российской Федерации”, а потом еще и предлагать, как с этим бороться. Тут объектом внимания могут стать и российские коллеги, а для научного сообщества это уже не внутреннее дело России.

Укажем на два обстоятельства (а их гораздо больше), вызывающих тревогу в связи с уже печально известным указом. Первое: совсем недавно восстановились профессиональные контакты российских и украинских историков, оборвавшиеся в 1990-е. Контакты эти и сотрудничество обоюдно крайне полезны и важны как для самих историков, так и для их стран. Очень опасаясь, что создание такой специфической комиссии осложнит сотрудничество, привнесет в него специфические элементы, мешающие работе. В каком положении окажется российский историк, если приглашенный им на конференцию, семинар или симпозиум иностранный коллега (в данном случае украинский) вдруг выскажется в духе, не сопоставимом с престижем России, как его понимает комиссия? Не придется ли украинскому (эстонскому, литовскому, польскому, грузинскому и т.д.) коллеге прибегнуть в данном случае к внутренней цензуре? А что будет, если российский коллега скажет или напишет что-нибудь такое, что будет истолковано главой президентской администрации в комиссии или главным разведчиком России как “фальсификация”, как нечто, подрывающее престиж государства? Это только начало списка вопросов, впрочем, вполне риторических.

Второе. Несмотря на ухудшение украинско-российских отношений в последние годы (в том числе и из-за взаимно безответственной исторической политики) и несмотря на поистине фрейдистские комплексы украинской бюрократии по отношению к московской, в Киеве имеют привычку копировать действия Москвы (часто неосознанно, наверное, именно в силу упомянутых комплексов). В Украине уже есть Институт национальной памяти, которому дошли, но малограмотные журнали-

сты приписали задачу создания “единственно правильного” учебника по истории Украины. Уже или еще есть историки, пишущие так, “как надо” власть имущим. Еще не забылась попытка В. Ющенко и его присных криминализировать отрицание Голодомора как геноцида. Еще главное силовое ведомство, которому шпионов бы да международных уголовников ловить, открывает судебные дела против покойников. Еще слышны отголоски бюрократической кампанейщины по поводу 75-летия того же Голодомора. В общем, “барышня лягли и просят...” – есть в Украине предпосылки для того, чтобы по примеру большого соседа начать бороться за престиж государства. Будет весьма прискорбно, если кому-то в верхах взбредет в его (ее) бедовую голову создать свой ночной дозор (далеко не рембрандтовский), да еще и мобилизовать туда историков, чтобы правильно понимали международный престиж Украины и за него боролись.

В свете этих соображений хочется, чтобы название одной книги, написанной, по слухам, в Москве, оставалось в умах тех, кто принимает решение. Официальный автор книги – президент Л. Кучма. Называется она: “Украина – не Россия”. Давайте жить дружно. Кто с комиссией. Кто с Институтом национальной памяти. Но каждый – по-своему.

SUMMARY

Georgii Kas'ianov of Ukraine approaches Russia's initiative in the field of politics of history as part of the larger European trend of promulgating national and European Union laws regulating historical judgments. He stresses specific features of this politics of history in the post-Soviet states – new members of the European Union. In their attempts to forge new societies and loyal subjects they often make history an integral part of politics. In Kas'ianov's estimate, Russia joined this trend after 2000, and Ukraine, in this respect, was following suit. What makes the new Russian Commission special is its pretensions toward regulating the policies of history and historical memory beyond Russian borders. In such an unusual form, Russia has institutionalized its – in many respects – scandalous international politics toward its immediate neighbors. Kas'ianov is mostly concerned with the fate of a newly reestablished (after the break in the early 1990s) professional cooperation between Ukrainian and Russian historians, and with the temptation that the Commission presents for Ukraine, which is institutionally as well as psychologically ready to follow Russia's example.